

«свободной мысли» в отдаленном прошлом — сюжеты, в которых так много переключки с временем, когда в николаевской России, по словам самого историка, «деспотизм... не может ужиться с просвещением». Он привлекал внимание студентов и к различиям, к диалектике развития культуры как составной части всемирно-исторического процесса. «Всякий период имеет известную сумму идей, ему исключительно принадлежащих», и точно так же, подчеркивал он, каждому народу принадлежит незаменимый вклад в общее духовное богатство⁸⁸. Поэтому Грановский упрекал многих историков; в их числе Нибура, в недооценке или даже игнорировании таких высоких цивилизаций древности, как индийская и китайская. Поэтому и сам он в пределах своего курса, посвященного истории европейского средневековья, столь значительное место уделяет истокам этой эпохи, в том числе культурным.

Он высоко оценивает великое античное наследие, отмечая в то же время его уязвимые места: «Греческий мир был явлением, необыкновенно изящным, однажды показанным истории; но он был основан на началах односторонности, на которых не мог долго существовать». Эта односторонность — производная в первую очередь от рабства⁸⁹. Если «демос афинский» активно слушал своих ораторов, историков, философов и мог потому идти «в уровень с ... образованием», то впоследствии происходит все более резкое отчуждение народных масс от античной культуры⁹⁰. Грановский отмечал, что «в древнем мире, как и в нашем, есть одно общее явление: к ... науке приступают немногие»⁹¹. Другое, менее заметное, но не менее существенное проявление той же односторонности — нарастающий прагматизм философии и культуры вообще: в Римской империи мысль была обращена едва ли не всецело к практической жизни (Лекции, 1961, с. 107). В этой связи он говорит о положении наставников, учителей: при Веспасиане, рассказывал Грановский, большая часть их уже отложила «от официальных верований государства», а между тем «в школе и на кафедре должны были исповедовать истинность государственных учреждений», откуда происходило (и в этом Грановский видит главное зло) раздвоение «убеждения и речи, мысли и выражения, сущности и формы»⁹². Те, кто противостоял этому злу, говорит историк, заслуживают «глубокого уважения», например стойки⁹³, но ни они, ни иные школы и на-

⁸⁸ ГБЛ, ф. 178, 3598, XXV, л. 159 об., 160.

⁸⁹ Надобно было, говорит здесь Грановский, «чтобы за свободного грека работал другой и снял с него всю тяжесть житейских забот, тогда грек развивался как художник и ученый» (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 112 об.— 113).

⁹⁰ ГБЛ, ф. 178, 3598, XXV, л. 241.

⁹¹ Там же, XVIII, л. 20 об.

⁹² «В Риме, — говорил он, — все было ложь, и ... величайшая ложь — обоготворение императоров» (Лекции, 1961, с. 107).

⁹³ Здесь обнаруживаются следы творческого общения Грановского с Герценом; в одной из своих рецензий (см.: *Грановский Т. И. Соч.*, с. 462) он пи-